

В.Е.Пугач

КАК ЧИТАТЬ СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Статья посвящена проблемам чтения, анализа и интерпретации современного поэтического текста на примере разбора стихотворения Нины Савушкиной.

Ключевые слова: чтение, анализ, интерпретация, современная поэзия, текст

Название статьи можно интерпретировать по-разному. Идет ли речь только о чтении или об анализе? О чтении для себя или преподавании? И если о преподавании, то в какой аудитории? Нас интересует педагогический аспект проблемы. Мы убеждены, что чтение современной поэзии — серьезный ресурс для становления художественного вкуса у молодого поколения и обретения им эстетической зрелости. Преподаватель в таком случае выступает не как литературовед, апологетически воспринимающий текст как художественно ценный (или сохраняющий научно выдержанное безразличие к эстетической ценности текста), а как критик и педагог, который или дает современному поэтическому тексту оценку, или провоцирует на такую оценку учащихся. В этом случае не возникает этической коллизии, зачастую мешающей отделить настоящие шедевры от средней поэтической продукции (речь идет не только о второстепенных, но и о признанных классических авторах, и здесь не может быть места сомнению: настоящая поэтическая удача, событие в литературе — редкость даже для поэтов-классиков).

Рассмотрим одно стихотворение современного петербургского автора Нины Савушкиной [1] — «Некроихтиофобия» [2; с. 198].

В классе мне поручили подшефных рыб,
но ежедневно новый питомец гиб,
как дирижабль, взлетая вверх животом
к лампе, в отваре аквариума густом.
«Не умирайте, рыбки!» Слезой давясь,
я засучу рукав, дотянусь до вас
и налеплю на водоросль, чтоб листок
тельце кружил, чей жизненный срок истек.
Пробормочу молитву: «Рыбка, живи!
Дальше плыви на липком листке любви»...
Но от слиянья столь разнородных тел
рыбка не оживала, листок желтел...
Фокус не удался, но лет с десяти
я перманентно искала — кого б спасти.
Из подсознания всплыл депрессивный тип,
как пожилой налим на меня налип,
чтобы своей энергией молодой
я вознесла его над водой, бедой,
и над унылым илом вязкой тоски
засеребрились в ряске седой виски.
Так по сюжету мы и плывем вдвоем,
пересекая сумрачный водоем,
спаяны тесно на смертном рыбьем клею...
Если бы ты знал, как я под тобой гнию!

Первое, о чем необходимо сказать (или задать соответствующий вопрос), — это название. Греческое сложное слово, обозначающее боязнь мертвых рыб, создает эффект отстранения, воздвигает своего рода барьер между автором и текстом. Тот же прием использован еще раз в четвертой строфе (вместо русского слова «постоянно» мы видим заимствованное «перманентно»): теперь уже лирическая героиня отстраняется от самой себя юной с помощью «чужого» в языковом плане слова. И это иронически оценивающее, даже брезгливое отношение к себе, эта беспощадная рефлексия, не допускающая эмоциональных всплесков, прослеживаются до последней строки, которая из-за разницы в интонации (отстранение превращается вдруг в предельную сиюминутную вовлеченность) производит сильнейший эффект.

В сущности, в стихотворении две героини и два параллельных сюжета, которые объединяются темой мертвой рыбы (см. также стихотворения Савушкиной «Рыба» и «Осетр» [2, с. 31 и 48]) и местоимением первого лица. Один сюжет — история девочки, пытающейся отрицать смерть с помощью механического «оживления» дохлых рыбок. Эта героиня заслужила у взрослого «я» только жесткую иронию: это о ней с отвращением сказано «слезой давясь», это слова ее молитвы представляют собой пародию на сентиментально-

романтическую пошлость, свойственную незрелости. Другой сюжет — любовная (точнее — нелюбовная) история взрослой героини, не верящей в возможность оживить мертвое, но все же действующей по разработанному в детстве шаблону. Собственно, этот шаблон — некий поведенческий паттерн, за пределы которого героиня, повзрослев и постарев («засеребрились в ряске седой виски»), не в силах выйти. Образы листка и рыбки в первом сюжете соответствуют образам героини и «пожилого налима» во втором. При этом второй сюжет возникает из первого — и в плане «рыбной» образности, и в психологическом плане, так как «депрессивный тип», «пожилой налим» всплывает из подсознания героини, которое соотносится с образом аквариума. Аквариум (вспомним океан Соляриса) как бы порождает изначально мертвого героя, да и героиня — плоть от плоти и дух от духа аквариума (виски серебрятся «в ряске»). Сама порода «пожилого налима» — следствие фонетических метаморфоз. То, что «налим» именно «налип», безусловно, соотнесено с молитвой, в которой мелькает образ «липкого листка любви». Героиня получает то, к чему стремится, и остается только констатировать торжество смерти в «сумрачном водоеме» аквариума. Видимо, эта невозможность предотвратить повторение детской ошибки и вызывает неприятие героини-девочки взрослой героиней.

Очень интересно сравнение всплывающей брюхом вверх рыбки с дирижаблем. Оно кажется неточностью, ведь дирижабль, пусть и похожий очертаниями на рыбку, не всплывает «вверх животом», когда взлетает. Но аквариум — перевернутый мир, его жители «тонут», если всплывают. «Мертвый» дирижабль, наоборот, опускается и служит не полным аналогом рыбки, а ее зеркальным отражением. То есть неточность сравнения здесь — мнимая. Нам только надо понять, что героиня, стремясь к жизни не в воде, а в атмосфере, как это привычно для людей, забывает (и в то же время помнит) о своей собственной «аквариумной», подсознательной природе. Фонетически сочетание «в отваре аквариума» порождает представление о **тварях** подводного мира подсознания, которыми полнится наш, человеческий мир сознания. На границе двух миров и «гниет» героиня стихотворения Савушкиной, посвятившая жизнь бессмысленной задаче оживления мертвого. Пытаясь не думать о белых обезьянах, мы видим только их; боясь мертвых рыб, множим их образы.

Нет необходимости читать и анализировать современную поэзию как-то иначе, чем мы читаем и анализируем классику. Художественный текст все еще остается художественным текстом. Однако современный текст мы должны оценить, а чтобы оценить его предметно, адекватно, не голословно, необходимо прибегнуть к испытанным методам анализа — структуралистского или постструктуралистского, в зависимости от конкретного текста.

Представляется, что поэтическое мастерство Нины Савушкиной должно быть оценено по достоинству, а тексты такого художественного уровня, несомненно, воспитывают у аудитории компетенции, связанные с эстетическим ориентированием.

1. Пугач В.Е. Об одном поэте // Он же. Заговор букв. СПб.: «Геликон Плюс», 2017. С. 410–413.
2. Савушкина Н.Ю. Небесный лыжник. СПб.: «Геликон Плюс», 2015. 254 с.

References

1. Pugach V.E. Ob odnom poete [About one poet]. In: Zagovor bukv. Saint Petersburg, 2017, pp. 410–413.
2. Savushkina N.Yu. Nebesnyy lyzhnik [Heavenly skier]. Saint Petersburg, 2015. 254 p.

Pugach V.E. How to read modern poetry. The article is devoted to the problems of reading, analysis and interpretation of the modern poetic text on the example of Nina Savushkina's poem analysis.

Keywords: reading, analysis, interpretation, modern poetry, text.

Сведения об авторе. Вадим Евгеньевич Пугач — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт педагогики; vadim_pugach@mail.ru. Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.